

- ¹ См. соответствующую литературу по данному вопросу: *Knothe H.* Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den wettinischen Landen während der Zeit vom 11. bis 14. Jahrhundert. Neues Archiv für sächsische Geschichte 1883, IV, 1—36; *Pilk Jurij.* Někotre staroserbske słowa ze srjedzowěkowych lisćinow. — ČMS, 1901, 125—136; *Schmidt H. F.* Beiträge zur Sprach- und Rechtsgeschichte der frühen slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands. — ZfslPh, 1930, 7, 116—129; *Kötzschke R.* Zur socialgeschichte der Westslaven. Beobachtungen aus dem Mittelelbegebiet, Jahrb. f. Kult. und Gesch. der Slaven 1932, Bd. VIII, 5—36 (или In: Deutsche und Slaven im mitteleldeutschen Osten. Darmstadt, 1961, 16—49); *Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben, Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960; *Měšik F.* Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus, Ein Beitrag zur Rechts- und Verfassungsgeschichte des deutschen Feudalismus im Sorbenland. Bautzen, 1968, 18—38; *Bellmann G.* Institutionelle Terminologie im Sprachkontakt. — Festschrift für Walter Schlesinger. Köln; Wien, 1973, Bd. 1, 87—101.
- ² См. также: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII (**vordati*, **ščati*, **plegti*, **kužati* и **kuža*, **mьrx* / **mьrx-* и **mьrěti*, **plizati*). — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, 19—31, ср. *Schuster-Sevc H.* Modelierung semantischer Prozesse und Etymologie. Slavische Wortstudien. Bautzen, 1975, S. 12—19.
- ³ Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. Opr. w Zakładzie Słowianoznawstwa PAN pod red. G. Labudy i Z. Stiebers, t. 7, 684.
- ⁴ Этот пример взят из документа, относящегося к монастырю на Ляутерберге (Петерсберг) вблизи Галле.
- ⁵ Ср. Dt. Chron. 1: Deutsche Kaiserchronik (1885, ND 1965), 377 (v. 16423), цит. по: *Bellmann G.* Op. cit., 87.
- ⁶ Для древних сорбов названо 50 крепостей, для далеминцев — 14, для мильчан — 30 и для лужичан также — 30, ср.: *Materiały źródłowe do historii Polski epoki feudalnej.* Państwowe Wydawnictwo Naukowe. W-wa, 1954, 59—60; Słownik starożytności, t. 2, 93—94.
- ⁷ Słownik starożytności, t. 2, 49.
- ⁸ Соответствующий фрагмент текста по-гречески выглядит следующим образом: Ἀρχοντας δὲ ὡς ψασι, ταῦτα τα ἐθλῆ μὴ ἔχειν, πλὴν ζουπανοῦς γέροντας, χαθῶς γαί αἱ λοιπαὶ Σλαβηρικαὶ ἔχουσι τόπον. Цит. по: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text. et by Gy. Maravcsik, English transl. by R. J. Jenkins. Budapest, 1949.
- ⁹ Słownik starożytności, t. 2, 270.
- ¹⁰ Ср.: *Beševliev V.* Eine protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. Byz. 35 (1965), 1—9. Цит. по: Słownik starożytności, t. 7, 270.
- ¹¹ Ср.: *Pilk Jurij.* Op. cit., 132—133.
- ¹² Ср. 1411: «Michael Supan, vnsir vndirsesse vnd man da selbis czu Ruslicz uff der supanye unde lehngutes», Märker T. Das Burggrafentum von Meissen und Landgrafen von Thüringen (1100 bis 1195), hg. v. O. Posse, 1889 (=Codex diplomaticus Saxoniae regiae, Gloga—Sagan, Nr. 2).
- ¹³ Ср. также: Bausteine zur Heimatkunde des Kreises Luckau von Dr. E. Mucke. Luckau, NL, 1918, 496.
- ¹⁴ Ср.: *Pauliny E.* Začiatky kultúrneho jazyka slovenskej narodnosti. — Jazykovedné štúdie 1961, 6, 7—8; *Dorula J.* O niektorých starých slovenských slovách a právnych terminach. — Československý terminologický časopis, 1966, V, 5, 301 ff.; *Pauliny E.* Z histórie slov špan — kňahňa (Княгыня) — kňaz. — Slovenská reč, 1973, 38, 349—356.
- ¹⁵ Ср.: *Zett R.* Über das Verhältnis von slavischen und ungarisch župan — špan — ispán im Lichte der Wortgeographie. — Ural-Altische Jahrbücher, Fortsetzung der «Ungarischen Jahrbücher», 1975, Bd. 47, 207—216.
- ¹⁶ Ср.: Das Zinsregister des Klosters Marienstern, herausgegeben von Walter Haupt und Joachim Huth. Bautzen, 1957, 272.

- ¹⁷ Ср.: *Knauth Chr.* Derer oberlausitziger Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte. Görlitz, 1767, 210. Neuauflage mit Vorwort von R. Olesch, Böhlau verlag. Köln; Wien, 1980.
- ¹⁸ *Wenzel W.* Studien zur sorbischen Anthroponymie, Teil III, 16. Historisch-etymologisches Wörterbuch sorbischer Personennamen, 245. Dissertation zur Promotion B. Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1979.
- ¹⁹ Ср.: *Muka A.* Statistika sakskeho kralestva. — ČMS, 1886, XXXIX, 154.
- ²⁰ *Grimm J* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. T. 10. Leipzig, 1879.
- ²¹ О словенском слове см.: *Strekelj K.* Vermischte Beiträge zum slavischen etymologischen Wörterbuch. — AfslPh 1906, 28, 527.
- ²² Согласно письменной информации И. Дорули (Братислава).
- ²³ Ср.: *Hujer O.* K etymologii slova *panъ — LF, 1904, 31, 106; *Hujer O.* Slavische Miscellen. — JF, 1909, 24, 70.
- ²⁴ Ср.: *Schuster-Sevc H.* Sorbische Sprachdenkmäler 16. — 18. Jh., Bautzen 1967, 291.
- ²⁵ Ср.: *Pilk Jurij.* Někotre staroserbske słowa . . . (Anmerkung 2).
- ²⁶ Ср.: *Procházka.* Župa a župan. — Slavia Antiqua (1968) XV, 1—55.
- ²⁷ *Schmid H. F.* Beiträge zur Sprach- und Rechtsgeschichte der früheren slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands, II Die Mei ner Vethenici bei Thietmar von Merseburg. Zfsl 1930, 7, 116—129; Słownik starożytności, t. 6, 503.
- ²⁸ Ср.: Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter, herausgegeben von R. Trautmann. Leipzig, 1928.
- ²⁹ В оригинале это звучит следующим образом: Formular tych wotewrenskich a kóniecznich rónčzkow teho Foitskeho Wieza pschi Budniskim Stole w Hodžiju 1007.
- ³⁰ Ср.: *Pilk Jurij.* Op. cit. (Anmerkung 1).
- ³¹ Ibid.
- ³² Słownik starożytności 5, 315—316.
- ³³ Ср.: *Schuster-Sevc H.* Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: *cholъ, *kъmetъ, *smьrdъ. — Zfsl 2 (1964), IX, 253.
- ³⁴ *Львинский Г.* К вопросу о смердах. — SOc XI, 1932, 18—22.
- ³⁵ *Muka A.* Statistika . . ., S. 158 (Anmerkung 24).
- ³⁶ *Van-Beijk H.* О происхождении обще-славянского слова kъmetъ. — Slavia 1925, IV, 2, 209—212.
- ³⁷ Ср.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1946, 171.
- ³⁸ Ср.: *Szumczak M.* Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. W-wa, 47—49.

Перевела с немецкого М. И. Ермакова

Р. Эккерт

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

(установление и обоснование семантического развития слова
на примере вост.-слав. диал. *волога*)

В этимологических исследованиях семантика и установление закономерностей семантического развития занимают центральное место. Это является давно известным и, пожалуй, общепризнанным положением. С ним связано огромное значение семантической реконструкции для подобного рода исследований. Новые этимологии или

более обоснованная аргументация уже существующих этимологий и сводятся по сути дела к обнаружению новых семантических связей (семантических закономерностей) или к подтверждению уже обнаруженных фактов семантического развития новыми материалами. При этом формальная сторона фактов, подвергнутых исследованию, разумеется, должна быть принята во внимание самым серьезным образом. На примере восточнославянского диалектного слова *волога* с общим значением 'мягкая, жирная (иногда жидкая) пища, приправа, *Zukost, Beikost*' мы хотели бы показать некоторые приемы установления и обоснования семантического развития, определения конкретной модели семантической эволюции. В нашем изложении мы кроме того намерены уделить внимание вопросу семантической оппозиции и значению фразеологических данных при исследованиях в области исторической семасиологии.

В качестве исходных данных для воссоздания семантического развития упомянутого слова *волога* выступают факты из русских и белорусских диалектов (в литературных языках слово, как известно, отсутствует), из памятников письменности (старорусской, древнерусской и русско-церковнославянской), из родственных славянских языков (в нашем случае из словенского языка) и из других индоевропейских языков, т. е. применительно к слову *волога* из балтийских языков. Ср. рус. диал. *волога* со значениями: 'влага, вода, жидкость; масло, сало, жир, сдобное', волог. 'скоромное, жидкое съестное, похлебка, варево, но не питье', арханг., костр. 'привар, подболтка, овоц', волог., нижегор., псков. 'скоромная приправа, особенно коровье масло, подмазка на блины' (Даль² 1, 234). В Словаре русских народных говоров дается еще больше значений для этого слова, но все они относятся к одной и той же области мягких, жирных (иногда жидких) видов пищи, к приправам, к тому, что едят к хлебу (Филин 5, 46—47).

То же можно сказать в отношении белорусского диалектного слова *волба, вилба*, которое встречается в следующих значениях: 'вареное молоко, которое добавляется к густой пище; варево из конопля; растопленный жир, сало; приправа, масло; запрещенная в постные дни пища' и даже 'жидкое, кормовое пойло' (Лексика Полесья 373, 368; ЭСБМ II, 44). Акцентуационный вариант блр. *вблага* имеет значения 'жир в качестве приправы; сваренное мясо; рыба; вообще приправа к еде'².

Слово *волога* засвидетельствовано довольно широко в древнерусских памятниках, в особенности в Новгородской и Псковской летописях. Оно содержится в пословице, употребленной в «Молении» Даниила Заточника: . . . *Не бився о моклякъ, вологи не видати.* . . .³ В старорусской письменности XVI—XVII вв. много случаев употребления этого слова. Обнаружено определенное количество примеров из русского языка XVIII в.

Весьма характерно, что в известном словаре древнерусского языка И. И. Срезневского значение для др.-рус. *волога* отсутствует (Срезневский I, 290—291). Там дается только ссылка на слово *влага* (церковно-славянское по происхождению), которое, естественно,

не тождественно семантически древнерусскому слову (Там же, 267). Широкой семантикой и вместе с тем некоторой семантической диффузностью этого слова, видимо, объясняется то, что А. Преображенский ошибочно трактует значение слова *волога* как 'питье, напиток' (Преображенский I, 14, 87). Только в новом историческом словаре русского языка, выходящем в настоящее время в Москве, дана убедительная смысловая характеристика этого слова как 'масло, сметана, жиры и т. п. пищевые продукты, приправа к пище; жидкая пища (похлебка, щи и т. п.) или приправа к ней' (СлРЯ XI—XVII вв. 2, 317).

Сдержанность И. И. Срезневского в отношении смысловой трактовки древнерусского слова имела, как мы уже видели, некоторое основание. В самом деле, определить точно значение слова *волога* в древнерусских памятниках не так уж просто. Ср., например, такие контексты:

1 . . . *за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на неделю* (Правда Русская по 1-му Синодальному списку 1282 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 2, 317).

2 . . . *и вздорожиша все по торгу: и хлѣбъ и волога и отътолѣ дороговъ.* . . (Новгородская 5-я летопись 1228 г.)⁴

3 . . . *а былъ (князь Михаил Киевский) въ Новгородѣ 4 мѣсяцы и 8 дней, а Новгороду было истомно сильно кормы и вологою и великими дарми* (Псковская 1-я летопись 1471 г.) (Срезневский I, 290).

4 . . . *азъ царева . . . повестую: на вашемъ честноприяти, и на вашемъ хлѣбе и на вологѣ и на вине и на меду кланяюся.* . . (Псковская 3-я летопись 1473 г.) (Картотека Псковского областного словаря).

Как в этих случаях определить значение слова *волога*? Ясно одно: *волога* — это не хлеб, а другие виды пищи. Из первого примера, как будто, явствует, что *волога* — это не мясо и не рыба, иначе не имело бы смысла перечислять последние слова. Впрочем, возможно и другая трактовка, а именно — предположение о конкретизации, пояснении слова *волога* в этом контексте. Такое объяснение находит подтверждение во втором примере, к которому имеется вариант в 4-ой Новгородской летописи, где вместо *и волога* встречается *и мяса и рыбы*, т. е. цитата звучит полностью следующим образом: . . . *и вздорожиша все по торгу: и хлѣбъ и мяса и рыбы и отътолѣ дороговъ.* . . .⁵ Таким образом, здесь *волога* скорее означает 'мясо, рыба, то, что едят с хлебом'.

Учитывая, что слово *волога* представляет собой скорее всего родовое понятие, мы перевели его для упомянутых древнерусских контекстов в специальной статье, посвященной этому слову, более общим немецким '*Beikost, Zukost*'⁶. Так мы поступали и в ряде старорусских примеров XVI и XVII вв., хотя в отдельных случаях здесь не исключено, что *волога* могло иметь и более конкретное (видовое) значение. Ср. приведенный нами в начале этой работы диалектный материал.

В одном месте в Домострое *волога* выступало, по всей вероятности, в значении 'овоци; приправа ко щам' (СлРЯ XI—XVII вв. 2, 317).

Несомненно, большое значение для более точного определения семантики др.-рус. *волога* имеют свидетельства употребления этого слова в более поздних памятниках и в русских и белорусских народных говорах, хотя здесь нужно учесть определенное семантическое развитие, которое могло иметь место. На основе одних восточнославянских материалов, вероятно, не удастся получить однозначный ответ на вопрос о значении др.-рус. *волога*.

По этой причине особую важность приобретают соответствующие материалы из родственных языков: во-первых, из словенского языка, где слово *vlāga* имеет значения 'влажность, влага, дождь, особенно теплый дождь; бульон, суп' (Pleteršnik II, 776) и, во-вторых, из балтийских языков. В особой статье мы подробно исследовали соответствия для вост.-слав. *волога* и словен. *vlāga* в литовском, латышском и древнепрусском языках⁷. Привожу только некоторые из многочисленных балтийских соответствий приведенному праславянскому диалектному слову: ср. лит. *valgis* 'пицца, еда; блюдо', диал. (вост.-лит.) *valgā* 'пицца, еда; провиант', лит. *válgyti* 'кушать'⁸, лит. *pavalgā* 'пицца, еда; еда в путь, провиант, Wegzehrung, закуски; третье блюдо; Imbiß, Vorspeise, Nachspeise; приправа к пице (мясо, жир, молоко, яйца, сыр и т. д.); приправа, гарнир из овощей к мясным и рыбным блюдам' (LKŽ IX, 662) и *pavilgā* 'жировые продукты: сало, мясо, масло, приправа, пряности, Abmachesel, Fett, Gewürz' (Там же, IX, 695), лтш. *pavalgs* 'приправа, жир, волога, Zukost, Zutaten, Würze, Abmachesel, Fett'⁹ и др.-прус. (у Грунау) *walge* 'esset' (Fraenkel II, 1189)¹⁰.

Принимая во внимание праслав. **volga* в значении 'влага, влажность' (ср. ст.-слав. *влага*, чеш. *vláha*, н.-луж. *włoha* и т. д.), а также лит. *vilgti* 'стать мокрым', *vilgšnas* 'влажный', лтш. *vilgt* 'стать влажным', *valgums*, *valgme* 'влага, влажность' (Fraenkel II, 1189) и др.-прус. *welgen* 'Schmupfen'¹¹ (ср. рус. *мокроты*), мы установили следующую общую модель семантического развития:

'влага, что-то влажное' } → 'влажная, мягкая, жидкая (жирная) пицца' } → 'пицца, кушанье вообще'

Полное отражение данной модели смыслового развития находим в литовском языке (здесь налицо все звенья семантического развития, включая среднее, переходное звено) и в древнепрусском языке (здесь отсутствует среднее звено семантического развития, что не удивительно, если учитывать фрагментарную засвидетельствованность этого западно-балтийского языка). В русских, белорусских диалектах и в древне- и старорусском, а также в словенском и в латышском языках данная модель (или данный семантический переход) осуществлена только частично, т. е. развитие как бы обрывается на втором (среднем) звене. Исходя из этого, мы установили, кроме того, эксклюзивное семантическое соответствие между балтийскими и славянскими языками, наряду с формальными соответствиями типа лит. диал. *valgā*: праслав. **volga*; лит. *válgyti*: рус. диал. *воложить* и т. д.

Тщательное изучение лексических и фразеологических материалов славянских и балтийских языков, относящихся к этой тематике, позволило нам сделать следующее весьма интересное наблюдение: контексты со словом *волога* в древнерусских и русских диалектных текстах, а также соответствующие примеры литовского языка со словами *pavilgā*, *pavilgalo* в ряде случаев сигнализируют противопоставление этих слов словам, передающим понятие хлеба (рус. *хлеб*, лит. *dūona*). Мы пришли к выводу, что в этих языках нашла отражение семантическая оппозиция 'сухая, нежирная пицца': 'влажная, мягкая (частично жидкая), жирная пицца'. На одном обсуждении этой проблемы в Институте языкознания Ленинградского отделения Академии наук СССР мне указали на то, что упомянутое противопоставление можно понимать и как оппозицию 'хлеб': 'нехлеб'. О. Н. Трубочев справедливо заметил на данном симпозиуме по этому поводу, что такая оппозиция вряд ли может считаться очень древней, так как очень древними видами пицци являлись всякого рода каши и т. п. Тем не менее, по нашему мнению, для периода, когда людям уже было известно приготовление хлеба, такая оппозиция могла существовать. В нашем распоряжении довольно много примеров типа упомянутой цитаты . . . и *вздорожиша все по торгу: и хлѣбъ и волога*. Таких случаев совместного употребления слов *хлѣбъ* и *волога* в древнерусской и старорусской письменности много. Нами собрано 17 примеров. Ср. еще один пример из русских народных говоров: *Поедите хоть раз и без вологи*, т. е. всухомятку, напр. хлеба с солью (Филин 5, 47).

Из литовского языка привожу два примера: (1) *Nešsk vieną pavilgą, paskuo sausą duoną grauši* (LKŽ IX, 695). 'Не ешь одну вологу, потом грызешь сухой хлеб'; (2) *Pagnybom gyvulėli, ir turėsim pavilgalo — nebereiks sausa duona gyventi* (KLŽ IX, 695). 'Мы закололи (зарезали) скотину и будет у нас волога — не нужно будет нам жить сухим хлебом'.

Замечательно еще то, что описанная оппозиция 'твердая, сухая пицца': 'мягкая, влажная пицца' ('нежирная пицца': 'жирная пицца'; 'растительная пицца': 'мясная пицца'; 'хлеб': 'нехлеб') находит отражение не только в контекстах, где слова *хлеб* и *волога* встречаются в свободном употреблении, но и в устойчивых единицах, во фразеологизмах. Это еще один аргумент в пользу нашего предположения о том, что упомянутое противопоставление нужно рассматривать как твердо установившуюся семиотическую структуру. В недавно написанной нами заметке, посвященной русским фразеологизмам с компонентом *волога* (Russische Phraseologismen mit der Komponente *vologā*), исследуется 11 пословиц и один номинативный фразеологизм. Среди них есть единицы, в которых отражается рассмотренная выше оппозиция 'твердая, сухая пицца': 'мягкая, влажная, жидкая пицца'. Ср.: 1) *Волга хлебу помѡга* (Даль² I, 234) и 2) *Солоно, воложно — за то жену не бить, а хлеба не станет — мужа не брать* (Картотека СРНГ). Ср. еще следующую цитату из Даля: *Заяц сухоядец, а лиси воложница* (Даль² I, 234).

Анализируемая оппозиция имеет типологические параллели в самом русском языке и в осетинском языке. Ср. следующий пример из русского языка XVI в.: *Въ всемъ бо еще во обители недостаткы, не токмо мастящихъ, но и хлѣба поскуду* (ВМЧ, Сент. 1—13, 466)¹². В осетинском языке слово *axwen* означает 'закуска или жидкая пища (к хлебу)', а соответствующее образование с отрицанием *anaxwenax* — 'без закуски, без приправы, с одним хлебом', ср. осет. *sægtu twaǰu Kobli ætaǰ æs ñs æn' axwen kærzɣyn næ xordtoj* 'благодаря козам Кобли и его жена не питались одним хлебом' (Абаев I, 93).

По нашему мнению, установленная нами оппозиция 'сухая пища': 'влажная (жидкая) пища' или 'хлеб': 'нехлеб' связана в той или иной мере с известными семиотическими противопоставлениями 'сухое': 'влажное'; 'сырое': 'вареное'; 'земля': 'вода'; 'огонь': 'влага'¹³.

Интересное дополнение к установленному нами семантическому переходу 'влажное' → 'влажная (мягкая, жирная) пища, приправа' сделала Ж. Ж. Варбот, указав на то, что блр. *сухопарны* употребляется в отношении теста и имеет тогда значение 'без закваски'. Ему соответствует с.-хорв. *сухопаран* в значении 'без приправы, без жира (о еде)'. К этим фактам можно еще добавить блр. *сухама* 'всухомятку': *сухама адзін хлеб ня смажны*¹⁴. Здесь антоним подтверждает семантическое развитие праслав. **volga*. Кроме того, эти примеры могут быть приведены в качестве дополнительных аргументов в пользу существования противопоставления 'сухая, нежирная пища': 'мягкая, жирная, жидкая пища'.

Изучая вост.-слав. *волога*, можно было бы коснуться и ряда других проблем, связанных с исторической семасиологией, в частности, вопроса использования семантической дифференциации во многих литературных языках для противопоставления 'люди': 'животные' в отношении понятий 'есть' и 'еда', ср., например, лит. *válgyti*: *ėsti*; нем. *essen, speisen*: *fressen*; швед. *spisa*: *äta*; рус. *кушать*: *есть* и др.¹⁵ Однако в данной работе нам хотелось уделить внимание в первую очередь семантическому анализу исторического и диалектного материала и фактов из родственных языков для установления модели семантического развития. Эта модель находит углубленную аргументацию со стороны семиотики и фразеологии.

Примечания

¹ См. также: Лексика Полесья ў прасторы і часе / Рэд. В. В. Мартынаў. Мінск, 1974, 106; Беларуска-рускія ізаляксы (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1973, 16; Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979, I, 276.

² Шейн П. В. Материалы для изучения быта населения Северо-западного края. СПб., 1890, I. Н. В. Никочук сообщил мне, что на Полесье встречается слово *одолабжыцца* в значении 'удовлетворить первую потребность (в воде, в еде, в чем-либо другом)'.
³ Лексика и фразеология «Моления» Давида Заточника. Л., 1982, 40.
⁴ Филли Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, 566.
⁵ Там же.

⁶ Eckert R. Ostslawisch dial. *rologa* 'flüssige (fette) Speise'. — ZfSl 29, 1, 1984, 2—18.

⁷ Eckert R. Eine balto-slawische semantische Sonderübereinstimmung (Zu ostlit. *valgū*; russ. dial. *rologa* und weiteren Entsprechungen). — Ponto-Baltica, II. Firenze, 1984.

⁸ Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. II. papildytas leidimas. Vilnius, 1972, 943; Kurschat A. Litauisch-deutsches Wörterbuch. Göttingen 1973, IV, 2629—2630.

⁹ Balkevičius J., Kabelka J. Latvių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1977, 495.
¹⁰ См. также: Trautmann R. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, 456; Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, II, 323.

¹¹ Trautmann. Op. cit., 459; Prūsų kalbos paminklai. Parengė V. Mažiulis. Vilnius, 1966, 62.

¹² СлРЯ XI—XVII вв., 9, 41. Здесь субстантивированное причастие *мастящая* мн. ч. снабжается значением 'пища с маслом'.

¹³ Иванов В. В., Топоров В. И. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1969, 140—156, особенно 154—155.

¹⁴ Шатэрынік М. В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. Менск, 1929, 269.

¹⁵ Fraenkel E. Zur Bedeutungsentwicklung litauischer Wörter. Bemerkungen zu M. Niedermann, A. Senn, Fr. Brender. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. — Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, 8, 1954, 41—42.

Г. Якобссон

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРЕТЬЕЙ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ ЗАДНЕНЕБНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Картину так называемой 3-ей или прогрессивной палатализации (далее III) задненёбных в славянских языках можно сравнить с геоморфологической картой ландшафта, который приобрел свои современные очертания в результате длительного взаимодействия эндогенных и экзогенных процессов. В результате позднейших наслоений старые элементы исчезли или остались в виде выступающих вершущек; или они превратились в новые формации таким образом, что только самый тщательный палеонтологический анализ может выявить различные морфологические компоненты. Такая на первый взгляд запутанная картина III свидетельствует, как известно, о диаметрально противоположных представлениях о хронологии этого явления: одни исследователи считают эту палатализацию самой поздней, на что указывает принятая нумерация; другие, напротив, считают ее самой ранней. Картина III еще более усложняется под влиянием того факта, что ее результат, т. е. палатальные *c, dz, s/š*, идентичны результату 2-ой палатализации, что в определенных случаях могло послужить причиной отклонений. Наконец, общеизвестным является то, что большое количество случаев, которые, по крайней мере на поверхности, выглядят исключениями из общего правила III, более или менее ослабляют те объяснения этой палатализации, которые давались до сих пор.

В моей ранней статье¹ я объяснил, что как будто «неправильное» выступление иногда задненёбных *k, g, x*, иногда — соответствующих